

Далия
ТРУСКИНОВСКАЯ

ДАЙТЕ МЕСТО
ГНЕВУ БОЖИЮ

T8 RUGRAM

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	11
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	107
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	221
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	320
ЭПИЛОГ.....	483

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус)6
Т77

Трускиновская, Д.
Т77 Дайте место гневу Божию / Д. Трускиновская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 498 с. — (Миры Далии Трускиновской).

ISBN 978-5-521-74185-4

Умный и способный мальчик оказался жертвой в разборках взрослых людей. Его вознесли на вершины славы — и сбросили вниз. Мальчик решил, что отныне его долг — бороться за справедливость. Он придумал такой способ, что ни одному следователю не удалось бы раскрыть цепочку убийств. Но не человеческое это дело — устанавливать справедливость. Мальчик вновь в гуще разборок, на сей раз — между Добром и Злом. Соблазн распоряжаться судьбами людей огромен — есть кому перейти на сторону Зла, но есть и кому сражаться на стороне Добра...

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-74185-4

© Далия Трускиновская, текст, 2021
© Т8 RUGRAM, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

*И услышал я голос Господа, говорящего:
«кого Мне послать? И кто пойдет для Нас?»
И я сказал: «вот я, пошли меня».*

(Книга пророка Исaйи, глава 13, стих 21)

ПРОЛОГ

— Убить — проще всего.

Сказавший это не ждал скорого ответа от собеседника. Собеседник же сидел на лавке рядом, справа, довольно широко расставив колени, опираясь локтями о ляжки, и крупные кисти его рук свисали бессильно и безнадежно.

Это был грузный человек, чем-то похожий сейчас на высокий тяжеленный мешок, поставленный стоймя в надежде, что сам сохранит равновесие. Он и хранил — накренившись, расплоскившись внизу от собственной тяжести, казалось бы, готовый рухнуть от единого прикосновения пальца.

— Да ты и не сможешь убить, — продолжал тот, что слева, и в голосе чувствовалось облегчение.

Он был невысок, узкоплеч, откинулся назад, словно бы опираясь лопатками на незримую спинку скамьи; тонкие ноги, обутые в узкие длинноносые туфли, вытянул вперед и скрестил. Насколько в позе грузного собеседника ощущалась тяжесть, настолько в позе стройного — легкость, и казалось: убери сейчас лавочку — один продавит собой землю и уйдет туда по плечи, другой же так и останется висеть в воздухе.

— Не смогу, — согласился грузный, но слишком быстро, что и было замечено.

Дальше тот, что слева, заговорил красивыми словами, совершенно не удивившими собеседника, — возможно, потому, что не впервые он слышал такие художества.

— Беседа наша — это совместный путь по ночной дороге. Сейчас ты свернул в сторону. И хотя какое-то время мы будем перекликаться, даже довольно связно перекликаться, но ровно то же время будем и удаляться друг от друга. А потом мой голос в твоих ушах станет неразборчив, и ты порадуешься тому, что отпала нужда отвечать.

— Всякий мужчина должен быть внутренне готов к тому, что однажды придется убить врага.

Высокопарные слова прозвучали неожиданно. Словно бы, удалившись вышеописанным образом, мужчина убедился, что его уже не догнать и не остановить.

— И если я этого не сделаю, то кто же я? Да мне в зеркало будет стыдно смотреть! Мне на его фотографию будет!.. А я!.. — голос грузного собеседника оборвался на яростной ноте, на ноте бессильно сжимающей кулаки ярости.

— Убить и пристрелить — не одно и то же.

Они сидели на речном берегу и глядели на далекие луга. Их беседа началась незадолго до заката, а сейчас ночь уже дошла до самого темного своего часа. Луга были очень далеко — если только ночь не подменила их чем-то иным, а с ночи станется. Вот ведь и скучный пейзажик городской окраины за спинами собеседников она тоже куда-то припрятала только что, натянула между мужчинами и городом черную тусклую ткань, прорисовав на

ней покосившиеся и надломленные силуэты вовсе не свойственных среднерусской полосе готических башен.

Видимо, ее же рука положила на белую скамью черный предмет характерной формы. Он лежал между собеседниками, рукоятью к грузному — к правой его руке. Бери и стреляй.

— Если я ничего не сделаю... то мне останется лишь убить себя... Ведь все же ясно как на ладони! — воскликнул знающий имя своего смертельного врага мужчина. — Если бы у меня было хоть какое-то сомнение! А я все знаю — и вот сижу здесь!..

— Мы вернулись к тому, с чего начали. Даже если ты не убьешь его первым выстрелом, даже если он будет мучиться еще несколько часов, то все равно уйдет в небытие и избавится от боли, а вот твоя боль увеличится. Поэтому что ты поймешь несоизмеримость преступления и кары. Кара окажется во много раз легче преступления, а переделать уже не получится.

— Он может остаться калекой, — не очень уверенно возразил жаждущий мести.

— Он немолод, любит поесть, любит выпить, курит по три пачки в день, ходить разучился — даже двести метров норовит проехать на своей «ауди». Еще немного — и калекой он сделает себя сам. Не надо пачкать руки.

— А потом он умрет.

— Разумеется, умрет. А ты останешься жить.

— Я думал, ты дашь мне хороший совет, — проворчал тот, кому жить вовсе не хотелось. — А ты? Ты боишься, что я сяду за преднамеренное убийство? Или ты действи-

тельно считаешь, что время, Бог, судьба, я не знаю что — отомстит ему?

— Я просто хочу, чтобы преступление и кара были соизмеримы.

Мужчина резко повернулся.

— Что ты придумал?

— Я придумал договор с судьбой, с Аллахом, с кармой, с нечистой силой — как хочешь, так и назови. Из ста шансов пятьдесят — за то, что твоя месть будет единственно возможной, честной и беспощадной. И совершенно безнаказанной. Но пятьдесят других — за то, что она не состоится. Знаешь, как разыгрывают ситуацию в орлянку?

— Мне доставать монетку?

— Нет. Наша монетка теперь спит и сны смотрит.

Самый черный час миновал. Едва-едва, но посветлели небо и река.

— Ну, хорошо, — сказал мужчина. — Что я должен буду сделать?

— Отпустить себя на свободу. Ты знаешь, о чем я говорю.

— Я дал слово.

— Это было еще до того...

— Но...

— Вот именно так. Другого пути нет. А теперь слушай. Начнем с того, что есть такое понятие — справедливость...